
Изменение практик в ситуации пандемии: стратегии совладания с кризисом

И.Н. ТАРТАКОВСКАЯ*

*Ирина Наумовна Тартаковская – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия, I_Tartakovskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9085-5712>

Цитирование: Тартаковская И.Н. (2022) Изменение практик в ситуации пандемии: стратегии совладания с кризисом // Мир России. Т. 31. № 3. С. 96–114. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-3-96-114

Аннотация

Статья посвящена анализу изменения практик повседневной жизни в период первой и начала второй волн эпидемии коронавирусной инфекции. Исследование выполнено на материалах личных дневников 34 академических работников, профессионально занимающихся социальными науками, в свободной форме описывающих свою жизнь в период пандемии в течение полугода (с 25 марта по 30 сентября 2020 года). В качестве рамки теоретического анализа автором выбран подход Т. Шацки, который предполагает рассмотрение практик в виде иерархически организованной констелляции, подчиняющейся определенным организационным принципам, одним из которых является телос – целеполагание, в рамках которого практики приобретают значимость как направленные на достижение определенного результата, а другим – этос, общая рамка понимания, придающая им смысл и моральное значение. В статье делается попытка выявить механизм реконфигурации практик под влиянием пандемического кризиса и те смыслы, которые авторы «дневников пандемии» вкладывают в их поддержание, изменение и реконструкцию, после того как непосредственная опасность кажется отступившей или ослабленной. В статье делается вывод о том, что ключевую роль в изменении (или воспроизводстве) тех или иных практик играет потребность в сохранении габитуса – привычного образа жизни, связанного с разделяемыми ценностями. Хотя его поддержание и связано с определенными трудностями, поскольку вынуждает сохранять многие практики, не являющиеся жизненно необходимыми в кризисной ситуации, «верность себе» становится важным каркасом, защищающим от стресса и неопределенности. В итоге участникам исследования удалось сохранить все наиболее важные констелляции практик как их ключевые составляющие.

Ключевые слова: практики, повседневность, пандемия коронавирусной инфекции, COVID-19, личные дневники, габитус, ценности, эмоции

Кризис, вызванный пандемией нового коронавируса, знаменателен своим многоуровневым характером: он имеет и глобальное, и локальное измерение, затрагивает государственные институты, экономику, социальные процессы, организацию публичного здравоохранения и, несомненно, личные обстоятельства миллиардов людей. При этом пандемия далека до завершения и, таким образом, представляет собой объект исследования, разворачивающийся буквально на наших глазах, – объект, от которого буквально трудно отвлечься.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть, каким образом в этой ситуации переструктурируются практики, обеспечивающие воспроизводство повседневной жизни, какие социальные механизмы обеспечивают их изменение либо, наоборот, сохранение, к каким стратегиям совладания прибегают люди перед лицом новых вызовов, неопределенности, угрозы здоровью и крушения многих планов. Фокус на практиках связан с тем, что именно на этом уровне в обычной ситуации обеспечивается «непрерывность» и устойчивость жизни, собственно, они иногда определяются как рутинизированные типы поведения, сопротивляющиеся изменениям, поскольку именно на них держится естественный порядок вещей [Nicolini 2012, p. 3; Reckwitz 2002]. Однако пандемия, карантин, изменение привычных режимов работы и досуга привели к многочисленным «поломкам» нормального хода вещей в том смысле, в котором о подобных ситуациях писал Г. Гарфинкель, – поломкам (breaching), которые нуждаются в «ремонте» или интерпретации, опирающейся на фоновые ожидания [Garfinkel 1967, p. 54]. Такие точки напряжения всегда представляют значительный интерес для социологов.

Научная дискуссия

Несмотря на многочисленность драматических событий 2020–2022 гг., пандемия, несомненно, остается одним из сюжетов, повлиявших практически на все аспекты социальной жизни в большинстве стран мира и, соответственно, стала одной из ключевых тем социологических исследований, породивших к настоящему моменту огромное количество публикаций. Большинство из них в соответствии с приоритетами современной западной социологической мысли посвящено проблемам неравенства среди различных социальных групп и их усугублению перед лицом разворачивающегося кризиса [Czymara et al. 2021; Murji, Picker 2021; Verhaeghe, Ghekiere 2021]. Еще одна распространенная категория опубликованных текстов представляет собой межстрановые сравнения, отражающие различные аспекты реакции их населения на пандемию (напр., [Breznau 2021; Buyukkececi 2021]), а также анализ государственной эпидемиологической политики [Gjerde 2021]. Немало статей посвящено и изменению отдельных практик, например волонтерской работе [Carlsen, Toubøl, Brincker 2021], распространению музыкальных трансляций в Интернете как новой формы культурного производства и потребления [Vandenberg, Berghman, Schaap 2021] и даже ритуалам, связанным со смертью, скорбью и умиранием [Grothe-Hammer, Roth 2021; Fang 2020].

Российские исследования, связанные с пандемией, также более или менее отражают общие тренды: было опубликовано много количественных опросных данных, среди которых особо следует выделить масштабную работу ФОМ

[Социология пандемии 2021]; также появился ряд статей, посвященных описанию определенных фрагментов социальной реальности в контексте карантина с акцентом на положение наиболее уязвимых групп [Киенко, Савина 2021; Рочева и др. 2020]. Однако к настоящему моменту большинство публикаций все еще отражает желание описать и зафиксировать происходящие социальные процессы и изменения. В то же время накопленный опыт наблюдений за пандемией уже позволяет ставить более глубокие аналитические задачи, в том числе и связанные с (не)изменением многих практик, задающих структуры индивидуальных миров повседневной жизни.

В соответствии с современными подходами к теории практик я определяю социальные практики как повторяющиеся физические действия и непрерывные процессы их осмысления, основанные на «взаимосвязи действий и высказываний» [Волков, Хархордин 2008; Reckwitz 2002; Schatzki et al. 2001].

Европейские социологи Дэвид Сейдл и Ричард Уиттингтон полагают, что порожденный эпидемией кризис обеспечивает важный материал для исследователей практик и ставит в первую очередь два важнейших вопроса: почему некоторые из них изменились быстро и радикально, в то время как другие, связанные с ними, сохранились в более или менее том же виде; и могут ли с течением времени восстановиться прежние, докризисные практики, и если да, то в насколько измененном виде [Seidl, Whittington 2021, p. 240]? Другими словами, они предлагают оценить с помощью социальных исследований верность эмоционального восклицания, с которым мы многократно сталкивались, особенно в начале эпидемии, в медиа и социальных сетях: «Известный нам мир никогда больше не будет прежним!» Или все-таки будет?

Частичный ответ на этот вопрос, по всей видимости, лежит в определении того, насколько та или иная практика связана с внешними по отношению к ней структурами. Известный теоретик и исследователь практик Теодор Шацки настаивал на том, что их следует рассматривать не изолированно, а в виде констелляций, и что способность практик к изменению обусловлена их позицией внутри этих констелляций [Schatzki 2019]. С точки зрения Т. Шацки, практики всегда иерархически организованы и состоят из таких элементов, как практическое понимание, предписанные алгоритмы действия, постановка целей (в той или иной степени связанных с определенными, часто устойчиво воспроизводящимися эмоциями) и, наконец, формирующееся в результате перечисленного «общее понимание», придающее практике смысл и задающее ее «горизонт понятности» [Schatzki 2005, pp. 477–480]. Таким образом, в производстве практик участвуют и физические действия, и ментальные конструкции, взаимопроникающие друг в друга и связывающие их между собой в плотную сеть.

Подход Т. Шацки представляется продуктивным для рассмотрения изменяющихся практик в контексте пандемии, поскольку делает акцент, во-первых, на их взаимозависимости, во-вторых, на их связях с нормами, ценностями, эмоциями. В принципе, он неплохо совместим с теорией габитуса П. Бурдьё, рассматривающей его и как порождающий принцип, и как принцип классификации практик в представлении агентов, вписанный в тело и тесно связанный с социальными эмоциями [Бурдьё 1998], но как бы обеспечивает эту теорию более пристальной, скрупулезной оптикой. В рамках этой методологии предполагается выделение центральной, ключевой практики, изменение которой может породить (или,

наоборот, ограничить) изменения в зависящих от нее более периферийных практиках. Так, переход на дистанционный режим работы порождает необходимость переустройства домашнего пространства, отношений с членами семьи, досуга, а иногда даже режимов сна и приема пищи. В этой связи Д. Сейдл и Р. Уиттингтон предполагают, что кризис, скорее, создает плохо рефлекслируемые сдвиги, порождаемые взаимозависимостью практик, чем продуманную стратегию поведения, имеющую целью максимизировать эффективность и минимизировать ущерб [Seidl, Whittington 2021, p. 242]. Я поддерживаю эту гипотезу.

Другая важная для данной статьи идея Т. Шацки состоит в том, что взаимоотношения практик в рамках их констелляций подчиняются определенным организационным принципам, одним из которых является телос – целеполагание, в рамках которого практики приобретают значимость как направленные на достижение определенного результата, [Schatzki 2002, p. 80]; другой принцип – этос – общая рамка понимания, придающая им смысл. Сообразуясь с этим целеполаганием, индивиды могут с достаточной готовностью жертвовать периферийными практиками для того, чтобы сохранить центральные, имеющие ключевое значение для поддержания и воспроизводства их габитуса. В данной статье я постараюсь выявить этот механизм реконфигурации практик и те смыслы, которые участники исследования – авторы «дневников пандемии» – вкладывают в их поддержание (или, наоборот, отказ от них), изменение и реконструкцию, после того как непосредственная опасность кажется отступившей или ослабленной. Другими словами, постараюсь выявить их телос и этос, насколько это позволит эмпирический материал.

В научной дискуссии по проблеме привлекают внимание попытки выделить специфические пандемические практики, возникающие и воспроизводящиеся в новых социальных условиях: так, Т. Уэррон и Л. Рингел предлагают свою типологию, а также выделяют особый подвид метапрактик, связанных с рефлексией по поводу сложившейся ситуации [Werron, Ringel 2020]. Хотя в их статье рассматриваются практики скорее институциональные, чем индивидуальные, эта типология представляет интерес и кажется продуктивной для разных уровней анализа. В первую очередь они выделяют первичные практики, связанные с непосредственной реакцией на угрозу заражения (такие как изучение информации о вирусе, ношение масок и т. п.), и вторичные практики, отражающие попытки адаптации к новой ситуации (такие как дистанционное общение и дистанционная работа с использованием Zoom и подобных платформ, заказ еды и товаров на дом). Особенность вторичных практик состоит в том, что они носят преимущественно заместительный характер, но иногда могут включать себя и элементы сопротивления новым правилам жизни [Werron, Ringel 2020, p. 59]. При этом многие из этих практик не согласуются, а конфликтуют между собой. Т. Уэррон и Л. Рингел также подчеркивают, что при комплексном исследовании практик в условиях кризиса следует обращать внимание и на те практики, которые не изменились или мало изменились в этой ситуации, т. е. демонстрируют преемственность по отношению к «старым нормам». Возможно, эта устойчивость не менее информативна, чем изменения, поскольку позволяет оценить, насколько наша жизнь действительно изменилась. Такого рода анализ, полагает В. Романиа, позволит строить осторожные гипотезы о том, какие из пандемических практик прекратят свое существование вместе с пандемией, а какие останутся с нами надолго [Romania 2020].

В этой статье я ставлю своей целью определить, насколько пандемические практики органично связаны с телосом и этосом участников исследования, или, другими словами, насколько они (и какие из них) могут быть непротиворечиво вписаны в габитус. Мое предположение заключается в том, что это зависит от (де)легитимирующих их этических нарративов, которые порождают лояльность или сопротивление по отношению к ним. Такие нарративы – рассуждения и рефлексию по поводу новых практик и их контекста – Т. Уэррон и Л. Рингел называют метапрактиками [*Werron, Ringel 2020*, p. 61], которые носят дискурсивный характер, поскольку с их помощью остальные практики оцениваются, сравниваются и сопоставляются с ключевыми ценностями. Именно они являются основными инструментами формирования «новой нормальности» [*Maesse 2020*]. Дневниковый метод, положенный в основу эмпирической части исследования, полезен, в частности, еще и тем, что фиксирует эти метапрактики наряду с обычными повседневными и делает их наблюдаемыми.

Данные

В качестве эмпирической базы этой статьи выступают материалы проекта Европейского университета в Санкт-Петербурге «Вирусные дневники: хроники повседневности», участником которого я являюсь. Изначально в проекте приняла участие 34 чел., большинство из которых на момент пандемии жили в разных городах России, но некоторых карантин застал в других странах (Австралии, Азербайджане, Армении, Германии, Грузии, США, Франции, Финляндии, Швеции). Все дневники велись на русском языке. Авторами дневников стали 8 мужчин и 26 женщин в возрасте от 23 до 67 лет. Все они – академические работники гуманитарного профиля, но имеющие разный статус – от аспирантов до профессоров. 16 чел. проживают с супругами и детьми, 5 – только с детьми, 6 – в расширенных семьях, 6 – в индивидуальных домохозяйствах и один снимал квартиру вместе с друзьями.

Особенность коллектива авторов дневников (и одновременно соучастников исследования) в том, что это дневники профессионалов, поскольку все они профессионально занимаются социальными науками: социологией, философией, филологией, антропологией, политологией, историей, востоковедением. Таким образом, была собрана коллекция насыщенных текстов (более 1600 страниц), представляющих собой по жанру нечто среднее между личным дневником и исследовательской рефлексивной автоэтнографией. Эти дневники отличаются значительно более высоким уровнем рефлексивности, чем обычные документы подобного рода, что позволяет с большей уверенностью выделять метапрактики, или нарративы, позволяющие понять иерархию описываемых практик и логику их изменения. Важно отметить, что дневники велись в свободной форме без строгих правил и специального фокусирования; записи вносились в два этапа – с 25 марта до 10 июня 2020 г. (первая волна), а затем в более сжатом временном режиме – с 20 до 30 сентября 2020 г. (вторая волна). Дневники имеют разный объем: часть участников вели очень подробные дневниковые записи, описывая происходящие события и свои ощущения буквально по часам, часть – записывали лишь отдельные,

наиболее яркие факты и впечатления. Хотя часть авторов дневников проживала в описываемый хронологический период в разных странах, предварительный анализ показал, что осуществление сравнения между странами с точки зрения характера описываемых практик оказалось нецелесообразным: во-первых, практически все страны, кроме России, оказались представлены лишь одним участником исследования, во-вторых, никаких значимых различий в характере специфических эпидемических практик в зависимости от страны проживания обнаружить не удалось, в реакции информантов на встречу с пандемическим кризисом наблюдалось больше сходств, чем различий.

Доступ к текстам дневников был обеспечен всем участникам исследования на основе взаимной договоренности и заключения этических соглашений о неразглашении личной информации.

Поскольку очень многие проблемы и практики, связанные с пандемией, отчетливо связаны с ее темпоральностью, я воспользуюсь тем, что исследование, на данные которого я опираюсь, является не очень продолжительным, но все же лонгитудом, охватывая период с весны до осени 2020 г. За это время ситуация претерпела значительные изменения, и для меня представляет особый интерес сравнение пандемических практик в самом начале и конце этого периода (условно – первая и вторая волна с некоторым ослаблением напряжения в промежутке между ними). Поэтому в данной статье я буду опираться в основном на 20 дневников, которые наиболее регулярно велись с самого первого до последнего (на сегодняшний момент) этапа исследования. Важно отметить, что дневники охватывают периоды жизни авторов как в момент высоких подъемов заболеваемости, жесткого карантина и связанных с этим тревог, так и в период спада числа заражений, ослаблений карантинных регуляций и частичного возвращения к «обычной жизни» (весна и лето 2020 г. соответственно). Это позволяет наблюдать изменения практик в динамике.

В качестве метода анализа мной был выбрана аналитическая индукция примерно в том виде, в каком она была применена в классическом труде Ф. Знанецкого [*Znaniecki* 1934]: из совокупного текста дневников мной сначала были отобраны фрагменты, в котором авторы описывали новые практики или изменения формата привычных практик на первом этапе пандемии, а также те эпизоды, в которых они рефлексировали по поводу этих изменений, описывали свои соображения и эмоции. Особое внимание было уделено тем 20 дневникам, авторы которых делали подробные записи вплоть до последнего этапа: была составлена таблица «типичных» и «нетипичных» (не встречающихся или встречающихся редко у других авторов практик). В финальный анализ были включены только «типичные» практики. Далее в таблицу были внесены те эпидемиологические практики, которые по-прежнему воспроизводились на последнем этапе исследования, а также новые практики, связанные с эпидемией, но еще не вошедшие в повседневный обиход в начале исследования (последних оказалось мало, что позволило ими пренебречь в финальном анализе). В таблице также фиксировались все обоснования и рефлексии, связанные с сохранением или исключением отдельных практик из повседневной жизни. Таким образом, в задачи исследования входило насыщенное описание трансформаций повседневности в ходе начального и последнего хронологического периодов в том виде, в каком они были представлены в дневниках участников.

Трансформация практик: изменение, замещение, адаптация

Анализ материалов дневников показал, что значительную роль в изменении конфигурации практик играет выпадение привычных и значимых практик, которые в новых обстоятельствах становятся недоступными.

«Беседуя с русскими коллегами, понимаю, что у всех примерно одна структура аффектов – обсуждаем, что отменяют, куда они (не)доедут – угроза нашей (академической – прим. автора) идентичности» (жен., 59 лет, профессор, преподаватель и исследователь).

В данной цитате, как и во многих других, сразу содержится отсылка к мета-практикам в понимании Т. Уэррона и Л. Рингела [Werron, Ringel 2020]: вынужденная карантинная иммобильность не просто тягостна и неудобна – она угрожает идентичности современного академического ученого, потому что подрывает одну из наиболее привлекательных особенностей профессии – частые командировки и личное общение с коллегами. Профессиональная жизнь перестает быть полноценной. Та же информантка иронично замечает, что *«создает карантинную идентичность»*, опирающуюся на новые, непривычные практики и новые способы отношений с внешним миром.

Если попытаться систематизировать эти новые формы поведения, то можно выделить четыре категории.

Первичные практики, «вписывающиеся в тело»: информанты пишут о том, что стараются не касаться руками лица, открывать двери локтем, носить маски, пользоваться дезинфицирующими растворами. Значительное место в записях периода первой волны занимает материальное обеспечение этих практик, поиск в аптеках и других магазинах необходимых средств защиты, которые в тот момент становятся предметом дефицита. Все авторы дневников придумывают себе собственные гигиенические протоколы – дезинфекция ключей, покупок, жилья и прочее, которые мало кто может последовательно выдерживать, из-за чего возникает устойчивое чувство вины. Эти протоколы – предмет постоянной рефлексии и оптимизации, а их выполнение и пересмотр отнимают много сил и времени.

«Ослабление карантина в моем сознании уже началось. Делаю это постепенно, отменяя некоторые этапы разработанных мною ранее процедур гигиены: например, маску стала надевать только в магазин или в толпе» (жен., 62 года, преподаватель и исследователь).

Некоторые авторы фиксировали также страхи, связанные с возможными экономическими последствиями карантина: кризисом, потерей работы или подработок. Однако единственной практикой, направленной на подстраховку от такого поворота событий, оказались единичные попытки сделать некоторый запас продуктов

и средств гигиены и то лишь в самом начале эпидемии и в небольшом количестве. В целом же такого рода действия оказались нехарактерны для исследуемой группы академических работников (скорее всего, потому, что противоречили их габитусу).

К особой категории телесных, но одновременно и коммуникационных первичных карантинных практик относится соблюдение социальной дистанции. Оно часто сопряжено со значительной эмоциональной нагрузкой: информантам приходилось принимать решение, обнять ли родных и друзей при встрече, взвешивать риски обидеть их своей дистанцированностью или, наоборот, напугать излишними проявлениями близости. По отношению к «чужим», подходящим или садящимся слишком близко, часто фиксируется страх и негодование.

Важнейшая конфигурация практик второго порядка, т. е. адаптивных, строится вокруг изменения границ работы и жизни при дистанционной работе из дома. В значительной степени они стираются, поскольку работник и члены его семьи вынужденно находятся в ограниченном пространстве, причем практически постоянно. На этом уровне становятся заметны гендерные различия, связанные со сложившимся разделением домашних обязанностей, прежде всего касающихся ухода за детьми. А. Минелло, С. Мартуччи и Л. Манцо в своем исследовании наглядно показывают негативное влияние пандемии именно на женскую научную карьеру: «академическим мамам» приходится выбирать, какой частью своей работы они готовы пожертвовать, потому что ни территориально отстраниться, ни делегировать заботу о детях они в этой ситуации не могут [Minello, Martucci, Manzo 2021]. В сходном напряжении находятся и участницы нашего исследования, имеющие маленьких детей: помимо того, что им приходилось постоянно лавировать между заботой о детях и выполнением своих профессиональных задач, им нужно было согласовывать свои планы еще и с особенностями функционирования институтов в условиях пандемии.

«Звонит педагог из школы и говорит, что дочь жалуется на головную боль, а врача сегодня в школе нет. Они не могут измерить температуру (удивляюсь, почему? Ведь сейчас у всех детей каждое утро измеряют температуру) и не могут отвести дочь на урок английского из-за эпидемиологической ситуации, просят забрать. Я кормлю сына, у меня должно быть совещание, и машину забрал муж, то есть раньше, чем через час я забрать не смогу, и то это будет очень напряженно. Пока еду, на красных светофорах успеваю проверить почту и рабочие чаты: пришло много писем и сообщений, сразу по нескольким мероприятиям, проектам, публикациям и техническим вопросам. За рулем я успеваю только читать, но не отвечать, из-за чего возникают легкая паника и ощущение очередного завала, из которого не выбраться.

Одновременно понимаю, что с двумя детьми до возвращения мужа с работы я все равно не смогу поработать и лучше уж реализовать намеченный план встречи. К тому же все сильнее укрепляется ожидание очередного карантина, и, наученная опытом предыдущего, я теперь стараюсь не переносить встречи/планы/задумки и врачей “на потом”, потому что понимаю, что “потом” может случиться очень нескоро» (жен., 30 лет, исследователь и администратор, двое детей).

Следует уточнить, что никто из мужчин-участников исследования не жаловался на сложности координации своих рабочих планов с домашними обязанностями.

Анализ дневников показывает, что наиболее интенсивными перегрузки были при входе в этот новый режим жизни, требовавший, помимо прочего, срочного решения различных технических задач, необходимых для обустройства хоум-офиса:

«Фактически сутки превратились в работу и сон. Плюс сильно возрос объем работы по дому, которую я не люблю. И плюс дистанционное обучение дочки, вхождение в которое было травматичным и конфликтным» (жен., 42 года, исследователь, двое детей).

Некоторые информанты в этот период считают свои рабочие часы (которых в среднем 9–12 в день) и переживают, если их слишком мало. Интересной практикой, новой для многих информантов, в этой ситуации стало составление личных расписаний дел. Таким образом они, с одной стороны, старались упорядочить противоречащие, мешающие друг другу нагрузки, а с другой – сопротивлялись неопределенности даже самого ближайшего будущего, характерного в наибольшей мере для первого этапа эпидемии.

«Я составляю план на день, но список опять не помещается на стандартном листе, поэтому я выписываю на отдельную бумажку в двух частях – по работе и по дому» (жен., 29 лет, исследователь, проживает в расширенной семье, один ребенок).

Другая участница исследования включала таймер, чтобы создать эффект регламентированного по времени рабочего дня.

Существенно меняются практики, связанные с коммуникацией. Авторы дневников отмечают, что на первых этапах пандемическая коммуникация имеет большее значение, чем в обычной жизни: наблюдаются интенсивный обмен новостями, взаимная поддержка, поддержание контактов с уязвимыми родственниками и близкими в условиях угрозы их здоровью. Каждый сам для себя определяет соотношение онлайн и офлайн, но все виды общения офлайн становятся перезагруженными смыслами – это и роскошь, и риск, а иногда и бравлада.

«В обычном режиме не ощущаешь так необходимости в обычных разговорах, встречах, а тут понимаешь, почему в тюрьмах “одиночка” считается пыткой» (муж., 53 года, исследователь).

Все отмечают возросшую интенсивность коммуникации (условные «150%») и ее техническую сложность: различные платформы, распределение времени между ними, зависимость от техники, необходимый уровень технической грамотности. Эта часть практик одновременно и самая этически напряженная: впервые в жизни участники исследования сталкиваются с новым феноменом: твоя социальная среда оказывается не только твоим капиталом, но и твоими рисками (и часто

неудобствами), и чем больше членов семьи, тем больше уязвимостей. Это создает новые дилеммы и иногда поводы для конфликтов: кто именно определяет новые правила жизни, кто их соблюдает, кто ими манкирует. Помимо непосредственной коммуникации большую роль играют социальные сети, новости, извлечение информации. Значительная часть этого интенсивного общения связана со страхами и предосторожностями, уточнением оптимальных стратегий предохранения от болезни, разумных действий на тот случай, если заболеешь. В итоге информанты жаловались на коммуникационную перегрузку, чувство вины из-за этого, иногда избыточную тревогу, однако некоторые из них сознательно ограничивали себя в использовании социальными сетями.

«Новая нормальность»

Какие новые практики оказываются устойчивыми и воспроизводятся на стадии ослабления эпидемии (увы, временного)? Прежде всего, это цифровизация повседневности – решение различных повседневных проблем онлайн, включая не только покупки обычного набора продуктов и бытовых предметов, но даже и медицинские консультации. Новые режимы дистанционной работы также оказываются устойчивыми и становятся привычными; в них разрабатываются специфические «режимы видимости» и правила этикета.

«Сама не успеваю позавтракать. Мне кажется неудобным отключать видео во время совещания, все коллеги держат камеру включенной, хотя гранола у меня с собой» (жен., 30 лет, исследователь).

Помимо этого, они обрастают своими правилами контроля, часто предполагающими большую интенсивность труда: например, одновременно с устной дискуссией происходит еще и переписка в чате, хотя успевать участвовать во всех формах коммуникации бывает непросто.

«Пока дочь доедает, заканчиваю проверку отчета, переключаюсь на вычитку дневников. Параллельно переписка в трех рабочих чатах и два новых рабочих письма, требующих быстрой реакции» (жен., 30 лет, администратор и исследователь, двое детей).

При этом сохраняется личная ответственность работников и учащихся за техническое обеспечение своего участия во всех рабочих процессах, что порождает, в частности, высокую зависимость от качества работы всех домашних коммуникационных устройств и интернет-провайдера. Так, например, в описываемый период один из авторов дневников проходил процедуру дистанционной защиты диссертации. Для того чтобы быть уверенным, что все пройдет успешно, ему пришлось не только задействовать еще и компьютер своей супруги, загрузив на него

презентацию и все дополнительные документы на тот случай, если его собственный компьютер в ответственный момент зависнет, но и заранее договориться с владельцем близлежащего кафе с вайфаем на тот случай, если у него дома не будет достаточно хорошо работать Интернет. Можно предположить, что вменяемая в ситуации дистантной работы сугубо личная ответственность сотрудников за техническое обеспечение своего рабочего места, в обычной жизни разделяемая с офисными службами поддержки, еще больше усилит неолиберальные тенденции атомизации наемных работников и превращения их в «индивидуальные предприятия», полностью отвечающие за свою эффективность.

Если сравнить дневниковые записи марта и июня 2020 г., то можно увидеть явные и естественные свидетельства адаптации к ситуации пандемии. К тому же в июне 2020 г. становится заметным спад заражаемости и в России, и в других странах, где проживали в этот период авторы дневников. Исследовательский интерес представляет вопрос о том, какие изменения практик мы можем увидеть, сравнивая начало и конец карантинного периода.

Прежде всего, участники исследования указывают на снижение тревожности, эпидемия из неизвестного по масштабам события превращается в неприятное, но уже рутинное, вписанное в повседневность жизненное обстоятельство. Как обозначает это состояние один из участников исследования, *«из участника я стал наблюдателем»* (муж., 30 лет, исследователь-фрилансер). Соответственно, теряют свой экстремально важный статус первичные практики, связанные с непосредственной реакцией на угрозу. Прежде всего это касается гигиенических протоколов – они не отменяются полностью, но делаются гораздо более расслабленными: информанты реже пользуются дезинфицирующими растворами, не так долго, как в начале эпидемии, моют руки и т. п. Опасения, связанные с другими людьми как возможными источниками инфекции, в значительной мере сохраняются, но эти «другие» начинают в более или менее явной форме делиться на категории «своих» и «чужих». Это более сложное разделение, чем просто по степени близости родственных или дружеских отношений: в «свои» попадают не просто хорошо знакомые, но «надежные» люди, разделяющие представления авторов о правильном, ответственном поведении в контексте эпидемии и тем самым заслуживающие доверия [Тартаковская 2021]. На практике речь идет о знакомых со сходным габитусом, которые не только не представляют (по мнению информантов) опасности в плане возможного заражения, но и не создают неловких ситуаций, при которых приходилось бы делать им замечания или каким-то иным образом корректировать их поведение в более безопасную сторону. При этом те знакомые, которые «перебарщивают» с защитными практиками, вызывают не меньшее раздражение. Таким образом, производится сверка повседневных гигиенических практик с этосом участников исследования: они сохраняют не только защитный, но и морально значимый характер, более того, становятся привычно-необходимыми (одна из информанток заметила, что без маски уже чувствует себя голой).

Помимо этого, даже когда телос защитных первичных практик уже кажется неочевидным, их соблюдение может поддерживаться исключительно этосом. Как с легкой самоиронией (которая очень часто присутствует в анализируемых текстах дневников, обеспечивая некоторое отстранение) замечает один из авторов по поводу масок:

«Мне понравилось их, наконец, носить; понравилось причастностью к этому большому событию. Не просто сидеть в сторонке, пока мир борется с коронавирусом, а делать что-то активное, о чем читаешь у других. Быть как все» (муж., 31 год, исследователь).

Другая участница исследования описывает в дневнике, как решилась вместе со своим партнером пройти тестирование на COVID-19 из-за легкой простуды: не испытывая на самом деле особого беспокойства за свое здоровье, она сочла такое поведение социально ответственным, причем стимулирующую роль для нее сыграла позиция партнера.

«Было стыдно, что Д. пришлось проверяться, потому что мы теперь оба заперты. Но он сказал, что так правильно, и вообще круто, надо же было попробовать, каково это» (жен., 27 лет, аспирантка, проживает с партнером).

Следует отметить, что многие авторы дневников как на первом, так и на втором этапе писали о том, что статус больного коронавирусом часто воспринимается в его социальном окружении как стигматизирующий, поскольку рассматривается не как объективное несчастье, а как следствие неосторожного или безответственного поведения. И хотя никто из участников исследования не поддерживал в явной форме такую оценку заболевших, хорошо заметно, насколько проговариваемые моральные мотивы (и даже мотивы возможного внешнего осуждения) преобладали в их рассуждениях над соображениями прагматической осторожности. Процитированная выше информантка, инициировавшая тестирование, прямо признается:

«Больше всего почему-то было стремно, если тест положительный, говорить соседям (у нас их трое). Как будто я принесла заразу. Д. сказал, что моей вины вообще-то здесь не будет. Ну это я понимаю, но чувствую-то по-другому» (жен., 27 лет, аспирантка, проживает с партнером).

Особую роль в частичном восстановлении «старой нормальности» и формировании «новой» играет возвращение информантов в публичное пространство – пользование общественным транспортом, посещение кафе, планирование и осуществление, по мере возможности, более дальних поездок. Все эти практики большинством участников исследования по-прежнему воспринимаются как не вполне безопасные, но в то же время очень желанные. Однако доэпидемическая свобода передвижения восстанавливается не полностью: участники исследования вынуждены приспосабливаться к сохранившимся ограничениям и карантинным требованиям работы различных институций (различным в разных странах). Отчасти эти новые обстоятельства (например, необходимость летать в другие страны с несколькими пересадками, брать билеты в музей строго на определенное

время) нормализуются участниками исследования, но на последнем этапе явно активизируется раздражение по отношению к системным ограничениям и желание их обойти.

«Я вообще домоседка и могу сидеть неделями дома, и мне ок, но даже я уже начала злиться. И когда, например, продлили карантин еще на две недели, меня прямо раздражение накрыло. Что чувствуют люди, которые в целом более активны и социальны, чем я, вообще не представляю» (жен., 29 лет, исследователь).

Авторы дневников все более полагаются на собственные представления о разумном поведении и об оправданности тех или иных защитных мер, отвергая внешний контроль и постоянно проникающую в повседневные практики внешнюю экспертизу, но в то же время не вполне уверены в правомерности такого поведения, поэтому в текстах отражаются чувство вины и множественные попытки самооправдания в связи с пренебрежением требованиями безопасности. Тем не менее можно утверждать, что эпидемия в целом усилила недоверие к официальным институциям и стремление по возможности избегать контактов с ними.

Важно отметить, что, несмотря на вынужденный характер изменений, не все они по прошествии времени оцениваются негативно. Некоторые вторичные, т. е. адаптивные, заменяющие практики встраиваются в стиль жизни и оказываются более удобными: например, некоторые информанты (а также их близкие) нашли много преимуществ в удаленной работе. Некоторые на последнем этапе исследования даже немного жалеют о конце карантина как о времени упущенных возможностей, которое могло бы быть использовано для творческой работы или саморазвития (при этом ни один из авторов дневников не указывает на то, что смог использовать карантинный режим продуктивно). Отношения с близкими, с партнерами по изоляции мало изменяются и в целом успешно выдерживают вынужденное заточение наедине друг с другом.

«Всего пару раз немного хотелось пойти погулять или спрятаться в угол. Жена говорит, что у нее такого желания вовсе не было» (муж., 30 лет, исследователь-фрилансер, проживает с женой).

При этом тексты дневников демонстрируют, что метапрактики рефлексии по поводу эпидемии и своего поведения в эпидемическом контексте действительно играют ключевую роль и задают логику практик более низкого порядка. В этом смысле особенно интересна последняя (на момент написания статьи) фаза исследования, которая предполагала по возможности плотную фиксацию повседневных событий в определенный ограниченный срок – 20–30 сентября 2020 г. Хорошо заметно, как участники исследования, находящиеся в этот период в одной и той же стране, но в разной степени погруженные в информацию о ходе эпидемии или неодинаково ее оценивающие, по-разному оценивают свое положение и строят в связи с этим свои стратегии поведения: так, например, одна из участниц старает-

ся интенсифицировать свои планы в связи с тем, что приближается новая волна, и надо успеть переделать как можно больше дел до возможного карантина. В этом контексте ее расстраивают существующие фоновые ограничения деятельности различных учреждений, она стремится их обойти, изобретая для этого разные стратегии. В то же самое время другая участница исследования делает вывод о том, что вторая волна уже наступила, и она, напротив, считает режимы работы учреждений излишне расслабленными, а поведение сотрудников безответственным: например, настаивает, чтобы спортивные занятия, в которых она участвует, проводились не в зале, а на открытом воздухе (и устраивает из-за этого скандал). Таким образом, разделяя общие ценности и схожий образ жизни, они существуют в конфликтующих между собой режимах повседневности.

В целом, однако, можно констатировать, что «новая нормальность» строится на упорном желании воспроизводить старую, насколько это только возможно. Хотя некоторые вынужденные внешними обстоятельствами и компенсаторные практики, сформировавшиеся в период пандемии, вписываются в повседневность (например, элементы дистантной работы), желание вернуть себе контроль над своим стилем жизни, отделившись лишь символическими уступками новым обстоятельствам, в итоге торжествуют почти у всех авторов дневников. Но это желание остается лишь частично удовлетворенным: пытаюсь вести себя как прежде, до эпидемии, участники исследования все время сталкиваются то с внешними ограничениями, то с изменившимися обстоятельствами – «прежняя жизнь» зияет прорехами. Одна из информанток сформулировала это так: *«Хотя никакого страха нет, просто все стало каким-то иным, какой-то полумир»* (жен., 59 лет, исследователь, преподаватель). Происходит своего рода потеря «габитусной уверенности»: воспроизводство многих привычных практик, особенно лежащих за пределами необходимых для поддержания повседневной жизни и выполнения базовых обязательств, связанных с работой и близкими людьми, часто подвергается сомнению, причем не только с позиций их опасности/безопасности, но и с точки зрения их необходимости. Авторы дневников как будто ощущают некую угрозу для своей идентичности и «выпадающие» практики воспринимаются ими как симптомы этого состояния болезненной неуверенности – вероятно, даже более болезненной, чем угроза тяжелой болезни.

Выводы

Если говорить об общем телесе пандемических практик, то его можно определить как сочетание двух непросто сочетающихся между собой целей – не заболеть, сохранить здоровье свое и близких, но при этом в максимально возможной мере воспроизводить свой привычный габитус, включающий наиболее ценные и значимые практики. Те меры предосторожности, которые не входят в круг этих ценностно нагруженных практик, постепенно отвергаются или соблюдаются чисто символически: *«Руки почти не мою – так, споласкиваю»* (муж., 53 года, преподаватель).

Сохранение габитуса – привычного образа жизни, связанного с разделяемыми ценностями, – становится поддерживающим каркасом, защищающим от стресса и неопределенности, но одновременно и вызовом, потому что заставляет

воспроизводить многие практики, не являющиеся жизненно необходимыми в кризисной ситуации (например, собирать и отвозить раздельный мусор, проводить онлайн неформальные семинары, не входящие в обязанности и т. п.), что вызывает неизбежное напряжение. Однако такого рода практики, связанные с личным этосом и идентичностью, оказываются чрезвычайно устойчивыми и воспроизводятся на всех стадиях эпидемии, в то время как многие первичные, самосохранительные уходят на второй план или вовсе отпадают. При этом ценностно окрашенное поведение нередко становится точкой габитусного напряжения: новые нормы безопасности кажутся этически важными и одновременно вызывают протест как навязанные извне, неоправданные, исходящие из некомпетентных источников: так, один из авторов жалуется на *«изумительную некомпетентность, ложь и лицемерие эпидемслужб, у которых полномочия оказались выше президентских»* (муж., 46 лет, исследователь).

При этом, судя по результатам исследования, можно заключить, что все наиболее важные конstellляции практик, их ключевые составляющие участникам этого исследования удалось сохранить. В частности, никто из них не зафиксировал принципиальных изменений в отношениях с партнерами по изоляции, если это были их близкие люди (по отношению к случайным «товарищам по карантину», например, соседям в общей квартире, иногда отмечалось нарастание негативных эмоций).

Что же касается метапрактики рефлексии по поводу эпидемии, то она, по мере продвижения от первой волны ко второй, претерпевает определенные изменения: острое восприятие эпидемии как огромного события, нуждающегося в осмыслении, сменяется ее рутинизацией, усталостью, превращением ее переживания в *«вялый застой»* (жен., 59 лет, профессор, преподаватель, исследователь). В целом можно согласиться с одной из участниц исследования, которая констатировала, что *«ковид обостряет и проявляет, а не порождает»* (жен., 66 лет, преподаватель, проживает с мужем): новые практики, как непосредственно защитные, так и адаптивные, с напряжением и усилием, тем не менее вписываются в сложившиеся ранее правила жизни и подчиняются характерной для данной группы людей (в данном случае для академического сообщества) системе ценностей.

Список источников

- Бурдые П. (1998) Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 1. № 2. С. 60–70.
- Волков В.В., Хархордин О.В. (2008) Теория практик. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Киенко Т.С., Савина Е.А. (2021) Хроники карантина и обсервации в доме-интернате для престарелых и инвалидов // Социологические исследования. № 2. С. 103–111. DOI: 10.31857/S013216250012513-7
- Рочева А.Л., Варшавер Е.А., Иванова Н.С. (2020) Уязвимые группы в чрезвычайных ситуациях: солидарность и доверие государству как основа стратегий мигрантов в России во время пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6 (160). С. 488–507. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1714
- Социология пандемии. Проект коронаФОМ (2021). М.: Институт Фонда Общественное Мнение.

- Тартаковская И.Н. (2021) Доверие перед лицом пандемии: в поисках точки опоры // Социологический журнал. Т. 27. № 2. С. 25–41. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8087
- Breznau N. (2021) The Welfare State and Risk Perceptions: The Novel Coronavirus Pandemic and Public Concern in 70 Countries // *European Societies*, 23:sup1, S33–S46. DOI: 10.1080/14616696.2020.1793215
- Buyukkececi Z. (2021) Cross-country Differences in Anxiety and Behavioral Response to the COVID-19 Pandemic // *European Societies*, 23:sup1, S417–S447. DOI: 10.1080/14616696.2020.1828975
- Carlsen H.B., Toubøl J., Brincker B. (2021) On Solidarity and Volunteering during the COVID-19 Crisis in Denmark: The Impact of Social Networks and Social Media Groups on the Distribution of Support // *European Societies*, 23:sup1, S122–S140. DOI: 10.1080/14616696.2020.1818270
- Czymara Ch.S., Langenkamp A., Cano T. (2021) Cause for Concerns: Gender Inequality in Experiencing the COVID-19 Lockdown in Germany // *European Societies*, 23:sup1, S68–S81. DOI: 10.1080/14616696.2020.1808692
- Fang C. (2020) Understanding Death and Grief in the Context of Pandemics – Challenges and Support in Response to COVID-19. 9 // *Interaction. Interview. Interpretation*, vol. 12, no 4, pp. 46–52. DOI: 10.19181/inter.2020.12.4
- Garfinkel H. (1967) *Studies in Ethnomethodology*, Englewood Cliffs, New Jersey, Prentice-Hall.
- Gjerde L.E.L. (2021) From Liberalism to Biopolitics: Investigating the Norwegian Government’s Two Responses to COVID-19 // *European Societies*, 23:sup1, S262–S274. DOI: 10.1080/14616696.2020.1824003
- Grothe-Hammer M., Roth S. (2021) Dying Is Normal, Dying with the Coronavirus Is Not: A Sociological Analysis of the Implicit Norms behind the Criticism of Swedish ‘Exceptionalism’ // *European Societies*, 23:sup1, S332–S347. DOI: 10.1080/14616696.2020.1826555
- Nicolini D. (2012) *Practice Theory, Work, and Organization*, Oxford: Oxford University Press.
- Nicolini D. (2016) Is Small the Only Beautiful? Making Sense of “Large Phenomena” from a Practice-Based Perspective // *The Nexus of Practices: Connections, Constellations and Practitioners* (eds. Hui A., Schatzki T., Shove E.), London: Routledge, pp. 98–113. DOI: 10.4324/9781315560816
- Maesse J. (2020) “New Normality”: The Political Unconscious of Corona Discourse and Global Rearrangements // *DiscourseNet Collaborative Working Paper Series*, 2/1, Special Issue: *Discourse Studies Essays on the Corona Crisis* // https://discourseanalysis.net/sites/default/files/2020-06/Maesse_2020_DNCWPS_2-1_2.pdf, дата обращения 12.02.2022.
- Minello A., Martucci S., Manzo L.K.C. (2021) The Pandemic and the Academic Mothers: Present Hardships and Future Perspectives // *European Societies*, 23:sup1, S82–S94. DOI: 10.1080/14616696.2020.1809690
- Murji K., Picker G. (2021) Racist Morbidities: A Conjunctural Analysis of the COVID-19 Pandemic // *European Societies*, 23:sup1, S307–S320. DOI: 10.1080/14616696.2020.1825767
- Reckwitz A. (2002) Toward a Theory of Social Practices: A Development in Culturalist Theorizing // *European Journal of Social Theory*, no 5, pp. 243–263.
- Romania V. (2020) Interactional Anomie? Imaging Social Distance after COVID-19: A Goffmanian Perspective // *Sociologica*, vol. 14, no 1, pp. 51–66. DOI: 10.6092/issn.1971-8853/10836
- Schatzki T.R. (2002) *The Site of the Social: A Philosophical Account of the Constitution of Social Life and Change*, University Park, PA: The Pennsylvania State University Press.
- Schatzki T.R. (2005) Peripheral Vision: The Sites of Organizations // *Organization Studies*, vol. 26, no 3, pp. 465–484.
- Schatzki T.R. (2019) *Social Change in a Material World: How Activity and Material Processes Dynamize Practices*, London: Routledge.
- Schatzki T.R., Knorr-Cetina K., von Savigny E. (eds.) (2001) *The Practice Turn in Contemporary Theory*, London: Routledge. DOI: 10.4324/9780203977453
- Seidl D., Whittington R. (2021) How Crisis Reveals the Structures of Practices // *Journal of Management Studies*, vol. 58, no 1, pp. 240–244. DOI: 10.1111/joms.12650

- Vandenberg F., Berghman M., Schaap J. (2021) The ‘Lonely Raver’: Music Livestreams during COVID-19 as a Hotline to Collective Consciousness? // *European Societies*, 23:sup1, S141–S152. DOI: 10.1080/14616696.2020.1818271
- Verhaeghe P.-P., Ghekiere A. (2021) The Impact of the Covid-19 Pandemic on Ethnic Discrimination on the Housing Market // *European Societies*, 23:sup1, S384–S399. DOI: 10.1080/14616696.2020.1827447
- Werron T., Ringel L. (2020) Pandemic Practices, Part One. How to Turn “Living Through the COVID-19 Pandemic” into a Heuristic Tool for Sociological Theorizing // *Sociologica*, vol. 14, no 2, pp. 55–72. DOI: 10.6092/issn.1971-8853/11172
- Znaniecki F. (1934) *The Method of Sociology*, New York: Farrar & Rinehart.
-

Changing Practices in a Pandemic Situation: Strategies for Coping with the Crisis

I.N. TARTAKOVSKAYA*

***Irina N. Tartakovskaya** – PhD in Sociology, Senior Researcher, Federal Research Sociological Center of RAS, Moscow, Russian Federation, I_Tartakovskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9085-5712>

Citation: Tartakovskaya I.N. (2022) Changing Practices in a Pandemic Situation: Strategies for Coping with the Crisis. *Mir Rossii*, vol. 31, no 3, pp. 96–114 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-3-96-114

Abstract

This article focuses on the changes in the practices of everyday life during the first and the beginning of the second waves of the COVID-19 pandemic. The study is based on the personal diaries of 34 social science scholars who were invited to openly reflect on their lives during the six months of the pandemic (from March 25 to September 30, 2020). The article relies on Shatsky’s approach as a framework for theoretical analysis. It presumes the consideration of practices in the form of a hierarchically organized constellation, which is subject to certain organizational principles. One principle is ‘telos’, i.e., goal-setting, within which practices acquire significance when aimed at achieving a certain result. The other principle is ‘ethos’, i.e., a general framework of understanding which gives the practices meaning and moral significance. The article attempts to identify the mechanisms for reconfiguring practices under the influence of the pandemic and the meanings that the authors of the ‘pandemic diaries’ gave to their maintenance, change and reconstruction, after the immediate danger seemed to have receded or weakened. The article concludes that the preservation of habitus—a habitual way of life associated with shared values—becomes a supportive framework which protects against stress and uncertainty, and creates a challenge, because it makes it necessary to reproduce many practices that are not vital in a crisis. The author concludes that the most important constellations of practices, and their key components, were preserved by the research participants.

Keywords: *practices, everyday life, coronavirus pandemic, COVID-19, personal diaries, habitus, values, emotions*

The article was received in October 2021.

References

- Bourdieu P. (1998) Structure, Habitus, Practice. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* (The Journal of Sociology and Social Anthropology), vol. 1, no 2, pp. 60–70 (in Russian).
- Brezna N. (2021) The Welfare State and Risk Perceptions: The Novel Coronavirus Pandemic and Public Concern in 70 Countries. *European Societies*, 23:sup1, S33–S46. DOI: 10.1080/14616696.2020.1793215
- Buyukkececi Z. (2021) Cross-country Differences in Anxiety and Behavioral Response to the COVID-19 Pandemic. *European Societies*, 23:sup1, S417–S447. DOI: 10.1080/14616696.2020.1828975
- Carlsen H.B., Toubøl J., Brincker B. (2021) On Solidarity and Volunteering during the COVID-19 Crisis in Denmark: The Impact of Social Networks and Social Media Groups on the Distribution of Support. *European Societies*, 23:sup1, S122–S140. DOI: 10.1080/14616696.2020.1818270
- Czymara Ch.S., Langenkamp A., Cano T. (2021) Cause for Concerns: Gender Inequality in Experiencing the COVID-19 Lockdown in Germany. *European Societies*, 23:sup1, S68–S81. DOI: 10.1080/14616696.2020.1808692
- Fang C. (2020) Understanding Death and Grief in the Context of Pandemics – Challenges and Support in Response to COVID-19. 9. *Interaction. Interview. Interpretation*, vol. 12, no 4, pp. 46–52. DOI: 10.19181/inter.2020.12.4
- Garfinkel H. (1967) *Studies in Ethnomethodology*, Englewood Cliffs, New Jersey, Prentice-Hall.
- Gjerde L.E.L. (2021) From Liberalism to Biopolitics: Investigating the Norwegian Government's Two Responses to COVID-19. *European Societies*, 23:sup1, S262–S274. DOI: 10.1080/14616696.2020.1824003
- Grothe-Hammer M., Roth S. (2021) Dying Is Normal, Dying with the Coronavirus Is Not: A Sociological Analysis of the Implicit Norms behind the Criticism of Swedish 'Exceptionalism'. *European Societies*, 23:sup1, S332–S347. DOI: 10.1080/14616696.2020.1826555
- Kienko T.S., Savina E.A. (2021) Chronicles of Quarantine and Observation in a Boarding House for the Elderly and Disabled. *Sociological Studies*, no 2, pp. 103–111 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250012513-7
- Maesse J. (2020) "New Normality": The Political Unconscious of Corona Discourse and Global Rearrangements. *DiscourseNet Collaborative Working Paper Series*, 2/1, Special Issue: Discourse Studies Essays on the Corona Crisis. Available at: https://discourseanalysis.net/sites/default/files/2020-06/Maesse_2020_DNCWPS_2-1_2.pdf, accessed 12.02.2022.
- Minello A., Martucci S., Manzo L.K.C. (2021) The Pandemic and the Academic Mothers: Present Hardships and Future Perspectives. *European Societies*, 23:sup1, S82–S94. DOI: 10.1080/14616696.2020.1809690
- Murji K., Picker G. (2021) Racist Morbidities: A Conjunctural Analysis of the COVID-19 Pandemic. *European Societies*, 23:sup1, S307–S320. DOI: 10.1080/14616696.2020.1825767
- Nicolini D. (2012) *Practice Theory, Work, and Organization*, Oxford: Oxford University Press.
- Nicolini D. (2016) Is Small the Only Beautiful? Making Sense of "Large Phenomena" from a Practice-Based Perspective. *The Nexus of Practices: Connections, Constellations and Practitioners* (eds. Hui A., Schatzki T., Shove E.), London: Routledge, pp. 98–113. DOI: 10.4324/9781315560816
- Reckwitz A. (2002) Toward a Theory of Social Practices: A Development in Culturalist Theorizing. *European Journal of Social Theory*, no 5, pp. 243–263.
- Rocheva A.L., Varshaver E.A., Ivanova N.S. (2020) Vulnerable Groups in Disasters: Solidarity and Trust in Government as the Basis for Migrant Strategies in Russia during the COVID-19 Pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 6, pp. 488–511 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1714
- Romania V. (2020) Interactional Anomie? Imaging Social Distance after COVID-19: A Goffmanian Perspective. *Sociologica*, vol. 14, no 1, pp. 51–66. DOI: 10.6092/issn.1971-8853/10836
- Schatzki T.R. (2002) *The Site of the Social: A Philosophical Account of the Constitution of Social Life and Change*, University Park, PA: The Pennsylvania State University Press.

- Schatzki T.R. (2005) Peripheral Vision: The Sites of Organizations. *Organization Studies*, vol. 26, no 3, pp. 465–484.
- Schatzki T.R. (2019) *Social Change in a Material World: How Activity and Material Processes Dynamize Practices*, London: Routledge. DOI: 10.4324/9780203977453
- Schatzki T.R., Knorr-Cetina K., von Savigny E. (eds.) (2001) *The Practice Turn in Contemporary Theory*, London: Routledge. DOI: 10.4324/9780203977453
- Seidl D., Whittington R. (2021) How Crisis Reveals the Structures of Practices. *Journal of Management Studies*, vol. 58, no 1, pp. 240–244. DOI: 10.1111/joms.12650
- Tartakovskaya I.N. (2021) Trust in the Face of a Pandemic: In Search for a Common Ground. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*, vol. 27, no 2, pp. 68–89 (in Russian). DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8087
- The Sociology of the Pandemic. The COVID-POF* (2021), Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation (in Russian).
- Vandenberg F., Berghman M., Schaap J. (2021) The ‘Lonely Raver’: Music Livestreams during COVID-19 as a Hotline to Collective Consciousness? *European Societies*, 23:sup1, S141–S152. DOI: 10.1080/14616696.2020.1818271
- Verhaeghe P.-P., Ghekiere A. (2021) The Impact of the Covid-19 Pandemic on Ethnic Discrimination on the Housing Market. *European Societies*, 23:sup1, S384–S399. DOI: 10.1080/14616696.2020.1827447
- Volkov V.V., Kharkhordin O.V. (2008) *Theory of Practice*, Saint Petersburg: Publishing House of the European University in Saint Petersburg (in Russian).
- Werron T., Ringel L. (2020) Pandemic Practices, Part One. How to Turn “Living Through the COVID-19 Pandemic” into a Heuristic Tool for Sociological Theorizing. *Sociologica*, vol. 14, no 2, pp. 55–72. DOI: 10.6092/issn.1971-8853/11172
- Znaniecki F. (1934) *The Method of Sociology*, New York: Farrar & Rinehart.